

Недоумение, удивление и страх смешались в его душе, заставив лицо напрячься, не зная, какую маску надеть.

Ци Юй, опираясь одной рукой на спинку кресла, слегка наклонился и, приблизившись к самому уху Се Чэнфэна, зловещим шепотом предупредил:

— То, что случилось в прошлом — уже случилось, я не стану больше заострять на этом внимание. Вашему Высочеству стоит вести себя тише. Я не собираюсь выступать против вас, но и в союзники к вам не набиваюсь... И еще: больше не смейте сравнивать меня с Сяо И. Мне это неприятно.

Лицо Се Чэнфэна помрачнело. Он закрыл глаза, слушая эти предупреждения, и не посмел возразить ни единым словом. Это дело по приказу матери-императрицы провернул он сам. Должность канцлера, которую занимал отец Ци Юя, была слишком влиятельной, и раз второй молодой господин Ци не желает с ним сближаться, значит, и сам канцлер не намерен поддерживать наследного принца. Поэтому императрица и решила использовать этот повод, чтобы отщипнуть кусок от власти канцлера.

Хотя затея принадлежала не ему, исполнял её он собственноручно. Се Чэнфэн прекрасно понимал, что две страницы извинений не вернут ему расположения Ци Юя. Но когда тот потребовал больше не сравнивать его с Се Чжаньи, Се Чэнфэн внезапно распахнул глаза, тяжело дыша.

С какой стати!

Этот ничемный отброс столько лет прозябал во дворце! У него нет ни власти, ни связей, так почему же он удостоился благосклонности Ци Юя?!

Даже император-отец начал вспоминать о существовании этого сына, а мать-императрица предостерегала его от столкновений с Се Чжаньи в последнее время.

Почему этот ничтожный выскочка начал возвышаться над ним?!

Он — наследный принц!

С самого детства он купался в роскоши, он — отпрыск императорского рода! А теперь должен повсюду терпеть выходки брата-отброса, на которого раньше и не смотрел?!

Высказав предупреждение, Ци Юй больше не взглянул на Се Чэнфэна и развернулся, чтобы уйти.

Система была слегка удивлена. Она загнула уголок страницы в своих записях и спросила:

— Откуда ты узнал, что это дело рук Се Чэнфэна?

— Тот листок, измятый, но не сожженный, лежал внутри бухгалтерской книги, — Ци Юй шел по дворцовой аллее к выходу. — Я нашел его, когда искал книги для Се Чжаньи в кабинете отца. Почерк был точь-в-точь как в письме с извинениями от Се Чэнфэна.

— Тогда почему ты не разоблачил его сразу?

— Во-первых, отец не стал действовать опрометчиво, и я не мог спугнуть змею раньше времени. Во-вторых, Се Чэнфэн должен появиться в дальнейших событиях, он не может умереть так рано.

— ... — Система молчала долго, так долго, что Ци Юй решил, будто разговор окончен, но вдруг она произнесла: — Ты действительно очень ответственно подходишь к работе.

Ци Юй слегка улыбнулся:

— Благодарю за похвалу.

Выйдя из дворца, Ци Юй поначалу не знал, где искать человека. По правде говоря, он считал, что хорошо понимает Се Чжаньи, но на деле это было не так: Се Чжаньи всё ещё кое-что скрывал от него.

Например, чьей силой он собирается воспользоваться для укрепления своих позиций, какими средствами намерен защищаться или кто именно входит в круг его доверенных лиц.

Ци Юй ничего об этом не знал. Он понимал лишь одно: раз уж события дошли до такой точки, а Се Чжаньи так долго скрывал свои истинные цели, у него просто не могло не быть собственных сторонников.

Просто Ци Юй о них не знал.

Он тяжело вздохнул. Возникло чувство неравенства: он держал Се Чжаньи в сердце, а тот считал его чужаком.

За воротами дворца на широкой дороге он был совершенно один.

Карета из резиденции канцлера должна была ждать у входа, но, не дождавшись Ци Юя в назначенное время, слуги решили, что второй молодой господин остался с пятым принцем, и уехали обратно.

Одинокая фигура Ци Юя, бредущая по обочине, выглядела несколько сиротливо.

— Пожалуй, моя забота была лишней. Вряд ли он ходит без охраны, верно?

— Хм. Так что возвращайся, отдохни. Я не надсмотрщик, и если ты решишь отлынивать и развлекаться, я и слова не скажу.

От частых бесед Ци Юй и Система стали гораздо ближе. Она больше не была той холодной программой, которая умела лишь навязывать товары и не приносила никакой пользы. А Ци Юй в глазах Системы перестал быть прижимистым хозяином, который удавится за лишнюю монету, лишь бы не тратить её на дом.

Между ними возникло взаимопонимание, и Система действительно начала беспокоиться о том, счастлив ли её подопечный.

Ци Юй с облегчением улыбнулся, принимая совет:

— М-м, спасибо.

И в тот самый момент, когда Система немного порадовалась успеху в убеждении, она услышала глубоко затаенное желание Ци Юя: — Если встречу его по дороге, обязательно подойду и влеплю две пощечины, чтобы знал, как платить добром за зло.

Система: ...

К счастью, резиденция канцлера находилась недалеко от дворцовых ворот, и Ци Юй не успел устать. Проходя мимо рыночных рядов, он услышал, как кто-то окликнул его по имени. Голос звучал удивленно:

— Ци Юй?

Ци Юй обернулся и сначала увидел знакомую лошадь, а подняв глаза — Ци Юньцзюэ, который сидел в седле, нахмурившись и глядя на него сверху вниз.

— Почему ты здесь? — спросил он низким голосом. — Где карета?

Ци Юй закусил губу, не зная, что ответить, лихорадочно придумывая оправдание.

Ци Юньцзюэ насмешливо хмыкнул, спрыгнул с лошади и широкими шагами подошел к Ци Юю, оглядев его с ног до головы:

— Уже придумал, как мне солгать?

— Я не собирался лгать, — тихо ответил Ци Юй. — Просто задержался, и кучер уехал.

— О, раз так, когда вернемся, я устрою этому кучеру хорошую взбучку. Кто дал ему право уезжать, пока второй молодой господин не вышел? — Ци Юньцзюэ действительно выглядел грозно. — Кто сегодня правил? Ван Шэн?

Ци Юй: ...

— Ты думаешь, я тебя не знаю? — Ци Юньцзюэ смотрел сурово. — Опять шлялся с Се Чжаньи и забыл о времени?

— Шлялся? Слишком громко сказано, — Ци Юй почувствовал досаду. — Брат, давай не будем об этом на улице, обсудим дома.

Ци Юньцзюэ слегка приподнял подбородок, но, хоть лицо его оставалось холодным, он всё же согласился.

Он взял лошадь под уздцы и пошел рядом с Ци Юем:

— Садись.

— А ты?

— Поведу в поводу, — Ци Юньцзюэ сделал вид, что крайне недоволен. — Вечно ты мне создаешь проблемы.

Несмотря на ворчание, Ци Юньцзюэ наслаждался тем, что Ци Юй полагается на него. Это было куда ближе, чем их отношения в детстве, когда тот строго следовал правилам.

Ци Юй, улыбнувшись, потеревил брата за рукав:

— Брат, спасибо.

Оказавшись в седле, Ци Юй увидел мир с высоты. Он огляделся по сторонам, но взгляд его то и дело возвращался к спине Ци Юньцзюэ.

Сегодня брат отправился по делам, поэтому был одет чуть проще обычного: часть черных волос собрана в высокую прическу с нефритовой заколкой, а часть заплетена в тонкие косички. На нем был темно-синий костюм для верховой езды, широкие плечи мерно покачивались при

ходьбе, и он то и дело оглядывался на Ци Юя, прежде чем снова устремить взгляд вперед.

Проходя мимо резиденции генерала, Ци Юй невольно задержал взгляд на фасаде: пятиметровые ворота, по бокам два каменных льва, над входом величественная табличка с названием, а глазурованная черепица на крыше при свете дня сияла так, словно была покрыта золотом.

Эта роскошь была несравнима с их резиденцией. По сравнению с этим, дом Ци Иня казался слишком скромным.

Обогнув резиденцию, они прошли мимо задних ворот. Те были не такими парадными, но всё же куда богаче, чем у обычных чиновников.

Ци Юй размышлял, чей это дом и откуда у них столько денег, как вдруг задние ворота приоткрылись. Оттуда вышли двое в черном, один из них был в капюшоне, скрывающем лицо, виден был лишь подбородок.

Но по одному этому подбородку Ци Юй мог поклясться — это Се Чжаньни.

Ци Юй холодно зыркнул в ту сторону, на губах его заиграла саркастическая усмешка.

Вот оно что. А он так долго за него переживал. Оказывается, тот тайком пробирается на встречи с важными людьми.

Ци Юй сохранял ледяное спокойствие, которое не прошло даже по возвращении домой.

Когда лошадь остановилась у ворот резиденции, Ци Юньцзюэ, заметив его состояние, обеспокоенно спросил:

— Что такое? Неважно себя чувствуешь?

— Нет, — Ци Юй покачал головой и ловко соскочил с лошади, доказывая, что он абсолютно здоров.

Увидев, что старший и второй молодые господа вернулись вместе, слуга поспешил открыть ворота. Не успели они войти, как увидели Чжоу Линя, который поправлял одежду и с улыбкой беседовал с Ци Инем.

Они выглядели очень дружелюбно, и Ци Инь провожал гостя.

Чжоу Линь вежливо улыбнулся:

— Дядюшка Ци, не стоит провожать. Я пришел по-тихому, так же и уйду.

Ци Инь ответил густым, низким смешком:

— Хорошо, тогда не буду. Как раз мои оболтусы вернулись, пусть они проводят.

Чжоу Линь поднял глаза. Его взгляд сначала упал на Ци Юя, черные зрачки внимательно изучили его, в них блеснуло какое-то странное удовольствие, и лишь потом он холодно кивнул Ци Юньцзюэ.

Ци Юньцзюэ в ответ вежливо поприветствовал его.

Чжоу Линь усмехнулся, подошел к Ци Юю и сказал с улыбкой:

— Пошли, проводишь меня.

Ци Юньцзюэ понял, что слова адресованы только Ци Юю. Он с подозрением посмотрел на Чжоу Линя, хотел что-то сказать, но Ци Инь прервал его:

— Юньцзюэ, пусть Ци Юй проводит, а ты пойдем со мной в кабинет.

— Слушаюсь.

Когда они остались одни, Чжоу Линь перестал притворяться и по-свойски положил правую руку на плечо Ци Юя:

— Почему так поздно вернулся?

— Дела задержали, — честно ответил Ци Юй.

— М-м, — спустя некоторое время Чжоу Линь снова понизил голос: — Почему ты не в духе?

Ци Юй поднял глаза, не понимая, как тот это заметил.

— Брови почти срослись, — Чжоу Линь левой рукой обвел круги перед его лицом. — Сам не чувствуешь, что хмуришься?

Ци Юй внезапно расслабил лицо, выдохнул и сменил тему:

— Господин хоу, зачем вы сегодня приходили?

Чжоу Линь щелкнул его по лбу — не больно, но ощутимо:

— Это не то, что положено знать детям.

Ну вот, оба что-то скрывают, разговор явно не клеился.

Чжоу Линь до самого ухода не предложил помощи, если у того возникнут проблемы. Если Ци Юй может справиться сам, зачем лезть и мешать? А если не справится и дело дойдет до него — тогда и разберется. Нет нужды заставлять человека снова переживать неприятные моменты, когда он и так злится.

Впрочем, в заботе Чжоу Линя Ци Юй и не нуждался.

Вечером, лежа в постели, он сам всё обдумал.

Се Чжаньи — лишь объект миссии, зачем ему так сильно переживать из-за его поступков? Главное — обеспечить его выживание до начала основной истории, а остальное не имеет значения.

Ци Юй изначально не должен был появляться в этом мире, так с чего ему ожидать, что Се Чжаньи будет считать его самым близким человеком? Неравенство отношений — это нормально.

Успокоившись, Ци Юй стал относиться к Се Чжаньи чуть более формально. Он по-прежнему заботился о нем и защищал, но разницу чувствовал только он сам.

Се Чжаньи в последнее время тайком прибирал к рукам власть и был настолько занят, что у него просто не оставалось времени допрашивать Ци Юя, почему тот стал холоднее. Иначе он непременно прижал бы его к стене и допытывался, почему его второй братец Ци отдалился.

Когда человек занят, дни пролетают удивительно быстро.

Звуки фейерверков разносились повсюду, улицы были полны суеты. Но для резиденции канцлера, в отличие от других домов, вечер кануна Нового года был тихим.

Отец и двое сыновей сидели во дворе, рядом горели две жаровни. Сначала они смотрели на салюты вдали, а когда те стихли, стали молча наблюдать за луной.

В эту ночь она была удивительно яркой, гораздо ярче, чем обычно, и в окружении звезд висела

в высоком небе.

С тех пор как Ци Юньцзюэ должен был отправиться на северную границу, Ци Инь ни разу не заводил об этом разговор. Он всегда избегал этой темы.

Но сегодня он вдруг спросил, и голос его прозвучал глухо, с тяжелой ноткой нежелания расставаться:

— Вещи собрал?

— Всё готово, завтра на рассвете выступаем.

— ...Ох. — Ци Инь отвел взгляд и пробормотал: — Раз собрал, то хорошо. Путь неблизкий, будь осторожен.

— Отец, не волнуйся, — с успокаивающей улыбкой ответил Ци Юньцзюэ. — Может, через год или полтора вернусь. Время пролетит быстро, не стоит так переживать.

Ци Инь промолчал, закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла. Его рука, покоящаяся на подлокотнике, была покрыта сетью морщинок. В среднем возрасте сон становится чутким, и он спал мало.

Но сейчас, во дворе, он, казалось, был смертельно усталым, и дыхание его постепенно выровнялось.

Ци Юньцзюэ велел принести плед и укрыл отца. Поправляя край, он тихо проговорил:

— Раньше отец никогда не общался с военными. Во-первых, из-за подозрений в заговоре, а во-вторых, военные всегда свысока смотрели на гражданских чиновников, вечно язвили, пытались поставить отца ниже себя. — Он посмотрел на Ци Юя с горькой усмешкой: — Но ничего не поделаешь, ради нас с тобой отец перестал гордиться и начал принимать нрав этих людей...

Он замолчал. Усталость, накопившаяся за многие дни, навалилась на Ци Иня, и он крепко уснул.

Но даже во сне он не был спокоен: брови слегка хмурились, а глазные яблоки под веками время от времени тревожно подрагивали.

Ци Юй вздохнул. Старший и третий принцы скоро станут совершеннолетними, а наследный принц, хоть и юн, уже собрал вокруг себя немало сторонников. Сейчас было время, когда под поверхностью бурлили скрытые течения, и для резиденции канцлера наступили трудные времена. Даже если бы он хотел помочь, он был бессилен.

Потому что он поддерживал пятого принца Се Чжаньи, который казался самым бездарным и бесперспективным.

На пороге разлуки Ци Юй не знал, что ещё сказать. В сердце была пустота и смутная печаль. Он не мог описать это горько-сладкое чувство, просто молча смотрел на силуэт Ци Юньцзюэ.

В прошлые годы они могли проговорить всю ночь, но сегодня было необычайно тихо.

Ци Юй хотел бы сказать ещё много слов заботы, но каждое из них он уже прокрутил в голове сотню раз, сомневаясь, не спрашивал ли он об этом раньше.

Ци Юньцзюэ протянул руки к жаровне и, полушутя, произнес:

— До границы путь неблизкий. Если ты пришлешь письмо, что решил жениться, то к тому времени, как я узнаю, твоя жена, боюсь, уже будет носить ребенка.

Ци Юй: ...

Он молча закусил губу и, не удержавшись, брякнул:

— Брат, это не ты ли сам жениться надумал? Чего это ты перед самым отъездом заговорил об этом?

Ци Юй невольно вспомнил свиток с любовным письмом в книжном ящике кареты Ци Юньцзюэ.

Брат сначала цыкнул, а потом добавил:

— Если бы я хотел жениться, давно бы женился. Я сказал это лишь для того, чтобы ты не забывал писать мне письма. Пиши почаще, письмо идет долго, так что пиши больше, чтобы я мог чаще их читать.

Он искоса взглянул на Ци Юя, нахмурившись и опустив уголки губ в выражении легкого пренебрежения:

— Чтобы скрасить мою тоску по дому, понимаешь?

— Оу, — Ци Юй не сдержал улыбки. — Сказал бы прямо, зачем приплетать женитьбу?

— Потому что я думал: если ты вдруг решишь жениться, а я не успею вернуться — что тогда? — Он повернулся к Ци Юю, и в его черных глазах читалась нежность, смешанная с легкой грустью. — Ты вырос под моим присмотром, и если я пропущу такое важное событие в твоей

жизни, это будет моей пожизненной печалью.

Воздух словно застыл. Каждое слово Ци Юньцзюэ отдавалось эхом в сердце Ци Юя.

Он не должен был здесь находиться. На самом деле у Ци Юньцзюэ никогда не было младшего брата — он, персонаж, внедренный Управлением перемещений, просто занял место, предназначенное для того, кто дарил бы ему заботу и любовь.

В горле у Ци Юя встал ком. Он глубоко вдохнул, пытаясь унять эту боль:

— Печали не будет.

Ци Юй медленно моргнул, прогоняя влагу из глаз. Его голос, обычно бодрый, стал хриплым:

— Я буду ждать... Подожду, пока ты вернешься, и только потом женюсь.

Ци Юньцзюэ глухо рассмеялся:

— Глупый братишка, ты же не для меня женишься. А если девушка не захочет ждать?

— Не боюсь, — Ци Юй знал, что, возможно, уйдет из этого мира раньше, чем наступит время жениться, так что пообещать это было способом исполнить хотя бы половину его мечты.

Братья перекинулись ещё парой фраз и, откинувшись на шезлонгах, стали смотреть на луну.

Время в канун Нового года тянется долго, но сегодня, неизвестно почему, оно пролетело как один миг. Даже если бы они захотели его замедлить, это было невозможно.

Рассвет ещё не наступил, яркий серп луны всё ещё висел в небе, а слуги уже подняли Ци Юньцзюэ, чтобы он привел себя в порядок.

Ци Юй молча последовал за ним.

Багаж был погружен в карету ещё вчера. Ци Юньцзюэ сменил одежду на легкий доспех. Глядя в зеркало, он поправлял плащ, слегка вскинув подбородок, обнажая четкую линию кадыка.

Волосы были собраны в его любимый высокий хвост, концы заплетены в косички.

Вчера он ещё шутил, но сегодня, когда он стоял перед ним, один только вид его спины заставил нос Ци Юя предательски защипать.

Ци Юй больше всего на свете ненавидел расставания.

Он был упрямым человеком, привыкшим стоять на своем. Если люди или привычки уходили из его жизни, ему требовалось очень много времени, чтобы отвыкнуть.

Система почувствовала подавленность Ци Юя и не решалась проронить ни слова, боясь, что её ядовитый комментарий заставит его расплакаться.

Когда Ци Юй вернулся во двор следом за братом, Ци Иня там уже не было. Возможно, он проснулся ещё тогда, когда они молча любовались луной, и просто молчал вместе с ними, наслаждаясь редким моментом счастья.

На рассвете пришел дворцовый управляющий и сообщил, что император лично провожает хоу и господина Ци до городских ворот Цзинду.

Ци Инь, конечно, тоже должен был ехать. Он сменил одежду на парадную, долго и пристально смотрел на Ци Юньцзюэ:

— На городской стене уже ничего не будет слышно, — он похлопал сына по плечу, его голос дрогнул: — Береги себя.

— Да, отец, — Ци Юньцзюэ, который редко называл его «отцом», предпочитая «папа», улыбнулся, обнял Ци Иня и похлопал его по спине: — Берегите себя, ждите моего возвращения.

— Хорошо.

У ворот Цзинду император Лунсинь ждал их с самого утра. Он был в темном халате, и лишь воротник, манжеты и ряд пуговиц на груди были ярко-желтыми, подчеркивая его императорский статус.

Император стоял на городской стене, лицо его сияло, он был в прекрасном расположении духа, рассуждая о том, как доблестны и отважны воины его страны, и поглядывая на Ци Иня:

— Господин канцлер, я возлагаю большие надежды на ваших сыновей.

Ци Инь, не торопясь, поднял глаза и скромно ответил, что Ци Юньцзюэ удостоился такой чести лишь благодаря милости государя.